

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	7
Пролог	9
1. Я ищу свою тайную силу	15
2. Эпоха моей невинности	58
3. Я начинаю кое-что понимать	89
4. Простота моих связей	114
5. У меня появляется цель	162
6. Я опускаю руки	187
7. Мои непомерные амбиции	220
8. Справедливость торжествует	255
9. Я готова к бою	290
Эпилог	331
Послесловие	335
<i>Благодарности</i>	341
<i>Интервью с Деборой Фельдман</i>	344
<i>Послесловие научного редактора</i>	350

Все имена и узнаваемые черты реальных фигурантов в этой книге были изменены. Все описанные события случились на самом деле, однако их пересказ был сокращен и уплотнен, а очередность некоторых изменена — ради безопасности упомянутых здесь людей и складного повествования. Все диалоги реальны и переданы настолько точно, насколько я смогла вспомнить.

ОТ АВТОРА

Сату-Маре (или Сатмар на идише) — город на границе Венгрии и Румынии. Как же случилось так, что хасидская община носит название в честь трансильванского городка? Рудольф Каствнер, еврейский адвокат и журналист из Венгрии, во время Второй мировой войны взял на себя миссию спасти как можно больше евреев от верной смерти, и среди спасенных им оказался раввин из того городка. Этот раввин позже иммигрировал в Америку, собрал вокруг себя большую группу последователей из уцелевших евреев, основал хасидское течение и назвал его в честь своего родного города. Другие спасшиеся раввины последовали его примеру и тоже назвали собственные течения в честь городов, в которых родились, дабы сохранить память о штетлах¹ и общинах, стертых с лица земли во время холокоста.

В Америке хасиды быстро возродили оказавшиеся на грани исчезновения традиции предков — оделись в тра-

---

¹ Штетл — городок (*идиш*), еврейское местечко. Населенный пункт в Восточной Европе с большой долей еврейского населения. — *Здесь и далее прим. науч. ред.*

диционные костюмы¹ и стали говорить исключительно на идише². Многие демонстративно выступали против создания Государства Израиль, считая, что геноцид стал наказанием евреям за ассимиляцию с другими народами и сионизм³. Но в первую очередь хасиды сосредоточились на размножении, нацелившись заменить погибших евреев и восстановить численность в своих рядах. Хасидские общины и сейчас продолжают стремительно разрастаться — все для того, чтобы одержать окончательный реванш над Гитлером.

---

¹ Традиционный мужской костюм включает в себя черный лапсердак (долгополый сюртук), черную шляпу, у раввинов и уважаемых членов общины — меховая шапка *штраймл*. Одежда у хасидов разных направлений немного отличается, некоторые носят белые чулки, другие — черные брюки, различаются формы шляп. Одежда женщин должна быть закрытой: длинные юбки и блузки с длинным рукавом. И для мужчин, и для женщин внешний вид диктуется принципом *цинута*, скромности. Строгость этого принципа различается в зависимости от общины.

² Идиш — язык восточноевропейских (ашкеназских) евреев, принадлежит к германской группе языков. Используется еврейский алфавит, письмо справа налево. Основной объем лексики германского происхождения, есть большой процент славянских слов, а также слов из иврита и арамейского.

³ Сионизм — общественно-политическое движение, приверженцы которого убеждены, что евреи должны жить в Израиле.

ПРОЛОГ

Мне вот-вот исполнится двадцать четыре. Я беседую с матерью. Мы в вегетарианском ресторане на Манхэттене, который подает «органику» и продукты «только что с фермы», и вопреки моему недавнему увлечению свининой и морепродуктами я предвкушаю бесхитростную трапезу, которую обещает меню. Официант, который нас обслуживает, очевидно, гой¹ — у него растрепанные светлые волосы и большие голубые глаза. Он обращается с нами как с королевскими особами, потому что мы в Верхнем Ист-Сайде² и готовы отвалить сотню баксов за ужин, состоящий преимущественно из овощей. Думаю, есть своя ирония в том, что он не подозревает, что обе мы из другого мира, что он по умолчанию считает наше присутствие здесь нормой. Не думала я, что этот день настанет.

Перед встречей я предупредила маму, что у меня есть к ней вопросы. Несмотря на то что в последний год мы

---

¹ Гой — нееврей.

² Верхний Ист-Сайд — самый роскошный район Манхэттена с престижной недвижимостью, дорогими магазинами и ресторанами, расположенный с восточной стороны Центрального парка.

с ней общались больше, чем во все мои подростковые годы, я чаще всего избегала разговоров о прошлом. Наверное, я не хотела ничего знать. Возможно, мне не хотелось обнаружить, что рассказы о матери, которыми меня потчевали всю жизнь, — это ложь. Или наоборот — принять факт, что они правдивы. Но публикация истории моей жизни все же требует абсолютной честности — и не только от меня.

Ровно год назад я навсегда покинула хасидскую общину. Мне двадцать четыре, и у меня вся жизнь впереди. Будущее моего сына переполнено возможностями. У меня ощущение, что я успела точно к старту забега — как раз перед выстрелом. Глядя на мать, я понимаю, что какие-то сходства у нас, может, и есть, но различий куда больше. Она была старше, когда ушла из общины, и она не забрала меня с собой. Ее путь был скорее борьбой за уверенность в завтрашнем дне, чем поисками счастья. Наши мечты витают над нами словно облака: мои кажутся большими и пышными в сравнении с ее — тонкой рябью перистой дымки в зимнем небе.

Сколько себя помню, мне всегда хотелось брать от жизни все — все, что она может мне дать. Эта жажда отличает меня от тех, кто готов мириться и с малым. Мне не понять, почему желания людей столь ничтожны, а амбиции так малы и скромны, когда возможности, которые предлагает им мир, безграничны. Я недостаточно хорошо знаю свою мать, чтобы судить о ее мечтах, — знаю лишь, что для нее они велики и значимы, и я стараюсь относиться к этому с уважением. Само собой, при всех наших различиях кое в чем мы с ней все же едины — в решении изменить жизнь к лучшему.

Мама выросла в общине немецких евреев в Англии. Ее семья была религиозной, но к хасидам они не принадлежали. Дитя разведенных родителей, она вспоминает, что в юности была «проблемной», «нескладной» и «несчастной».

Ее шансы выйти замуж в принципе — не говоря уже о том, чтобы выйти замуж удачно, — стремились к нулю, говорит она.

Официант ставит перед ней тарелку с жареной полентой и рагу из черной фасоли, и она втыкает вилку в еду.

Перспектива выйти замуж за моего отца, которая внезапно перед ней нарисовалась, была похожа на сказку, сообщает она, прожевав кусочек. Его родственники были богаты, и им не терпелось поскорее его женить. Его помолвки дожидались и младшие в роду за ним — им тоже пора было устраивать личную жизнь. Ему было двадцать четыре года — слишком много для приличного еврейского парня для того, чтобы ходить в холостяках. Чем старше становились женихи, тем сложнее было найти им невесту. Рэйчел, моя мать, была для отца последним шансом.

Все мамины близкие были в восторге, вспоминает она. Она поедет в Америку! Его родственники вызвались все оплатить. Там ее ждала красивая, совершенно новая и полностью обставленная квартира. Украшения и изящные наряды. И золовки, которые мечтали с ней подружиться.

— То есть они хорошо к тебе относились? — спрашиваю я, имея в виду своих теток и дядей, которые, как мне помнится, в большинстве своем презирали меня, причин чему я так до конца и не поняла.

— Сперва да, — говорит она. — Понимаешь, я была новой игрушкой из Англии. Худой симпатичной девочкой с забавным акцентом.

Она фактически их спасла — тех младших его родственников. Избавила их от участи состариться в одиночестве. Поначалу они радовались, что брата наконец-то пристроили.

— Я превратила его в *менша*¹, — говорит мне мама. — Я заботилась о том, чтобы у него был опрятный вид. Он не

---

¹ Человек (*идиш*), здесь: приличный, уважаемый мужчина.

умел следить за собой, и этим занималась я. Благодаря мне он выглядел прилично и больше не вызывал у родственников стыд.

Стыд — только это я и ощущала по отношению к отцу. Помню, что вид у него всегда был запущенный и грязный, и вел он себя слишком непосредственно и неприлично.

— А ты сейчас что об отце думаешь? — спрашиваю я. — Как считаешь, что с ним не так?

— Ой, не знаю. Думаю, он не в себе. Психически больной.

— Серьезно? И все? Тебе не кажется, что он просто умственно отсталый?

— Ну, он как-то раз был у психиатра уже после того, как мы поженились, и психиатр сказал мне, что почти не сомневается в том, что у твоего отца какое-то расстройство личности, но неясно, какое именно, потому что тот отказался от дальнейших исследований и на лечение больше не приходил.

— Ну, даже не знаю, — задумчиво говорю я. — Тетя Хая однажды рассказала мне, что в детстве ему диагностировали умственную отсталость. Она сказала, что IQ у него был 66 баллов. Такое не особо лечится.

— Да они ведь и не пытались его лечить, — настаивает мать. — Могли бы хоть попробовать.

Я киваю.

— В общем, вначале они были добры к тебе. А потом-то что случилось? — Я вспоминаю, как тетки шептались о маме и говорили о ней всякие гадости.

— Ну, после того как суматоха улеглась, они стали меня игнорировать. Устраивали всякое, а меня не приглашали. Они смотрели на меня свысока, потому что я была из бедной семьи, а у них были богатые мужья и солидное наследство и жили они совсем другой жизнью. Мы же почти не зарабатывали — ни твой отец, ни я, так что нас обеспечивал твой

дедушка. Но он был прижимистый — отсчитывал нам на продукты жалкие гроши. Очень умный он был, твой *зейде*¹, но людей совсем не понимал. Он был оторван от жизни.

Меня до сих пор задевает, когда кто-то плохо отзывается о моих родных, — как будто я обязана их оправдывать.

— С другой стороны, я знала, что твоя *баби*² меня ценит. Никто к ней не прислушивался, но она уж точно была куда более разумной и непредвзятой, чем считали окружающие.

— О, тут я согласна! — Я радуюсь, что наши мнения сходятся, что есть человек, которого мы обе воспринимали одинаково. — Она и со мной была такой же. Она относилась ко мне с уважением, даже когда все остальные думали, что от меня одни проблемы.

— Да, но... веса в семье у ее голоса не было.

— Увы.

В общем, мать там ничто не держало. Ни муж, ни семья, ни дом. В колледже у нее была бы хоть какая-то жизнь, цель, вектор развития. Когда тебя ничто не держит, ты уходишь. Уходишь туда, где можешь принести какую-то пользу, туда, где тебя примут.

К нашему столу приближается официант, в руках у него шоколадный брауни со свечкой. «С днем рождения тебя...» — поет он негромко и на секунду встречается со мной глазами. Я опускаю взгляд, ощущая, как вспыхнули щеки.

— Задуй свечу, — торопит мать, вынимая фотоаппарат. Мне смешно. Готова поспорить, официант думает, что я самая обычная девушка, которая отмечает день рождения с мамой, и что это наша ежегодная традиция. Придет ли кому-то в голову, что мать пропустила почти все мои дни рождения? Как ей удастся так быстро снова влиться в роль матери? Неужели для нее это естественно? Для меня точно нет.

---

¹ Дедушка (*идиш*).

² Производное от *бобе*, бабушка (*идиш*).

Когда мы расправляемся с брауни, она промокает рот салфеткой и на миг замолкает. Она говорит, что хотела забрать меня с собой, но не смогла. У нее не было денег. Семья отца угрожала превратить ее жизнь в ад, если она попытается меня увезти. Хая, старшая из теток, вела себя хуже всех, говорит она. «Когда я навещала тебя, она просто вытирала об меня ноги, словно я тебе не мать, словно не я родила тебя. Кто дал ей такое право, ведь она даже не одной с нами крови?» Хая вышла замуж за старшего из братьев и сразу же начала всеми помыкать, вспоминает мать. Она главенствовала во всех делах, везде распоряжалась, громко выражала обо всем свое мнение.

Когда мама ушла от отца, Хая начала распоряжаться и моей жизнью. Это она решила, что я буду жить у бабушки с дедушкой, что пойду в сатмарскую школу, что выйду замуж за хорошего сатмарского парня из религиозной семьи. В итоге именно Хая научила меня управлять своей жизнью, быть несгибаемой, как она, и не давать себя в обиду.

Как я узнала позже, именно Хая убедила Зейде обратиться к свахе, когда мне едва исполнилось семнадцать лет. По сути, она сама и выступила моей свахой, это она решила, за кого мне выходить. Я могла бы вменить ей в вину все, что мне пришлось в итоге пережить, но мне хватает мудрости этого не делать. Я знаю, как устроен наш мир и как людей с головой заносит мощной лавиной наших вековых традиций.

*Август 2010
Нью-Йорк*

Я ИЩУ СВОЮ ТАЙНУЮ СИЛУ

Матильде ужасно хотелось, чтобы у нее были хорошие, любящие, понимающие, честные и умные родители. Но ей ничего другого не оставалось, как смириться с тем, что они такими не были. <...> Поскольку она была очень маленькой и ростом, и возрастом, то единственным преимуществом, которым Матильда обладала по сравнению с другими членами семьи, было ее умственное превосходство¹.

Рольд Даль. Матильда

Отец держит меня за руку и шарит по карманам в поисках ключей от склада. Здесь, в индустриальной стороне Вильямсбурга², улицы непривычно пустые и тихие. В ночном небе над нами слабо мерцают звезды, недалеко по автостраде, словно призраки, проносятся редкие машины. Я рассматриваю свои лакированные туфельки, которыми нетерпеливо топаю по тротуару, и прикусываю губу, чтобы тормознуть импульс заныть. Я рада, что я тут. Не каждую неделю *Tatu*³ берет меня с собой.

Одна из подработок моего отца — включать печи в кошерной⁴ пекарне Бейгеля, когда заканчивается шабат⁵. Любой еврейский бизнес должен приостанавливать работу во время

¹ Перевод И. Кастальской.

² Вильямсбург — район на севере Бруклина, Нью-Йорк, населенный преимущественно хасидами.

³ Производное от *tate*, папа (*идиш*).

⁴ Кошерный — соответствующий требованиям кашрута, системы питания, основанной на предписаниях Торы.

⁵ Шабат — суббота, священный день для иудеев. Шабат наступает с заходом солнца в пятницу и заканчивается с заходом солнца в субботу. По религиозному закону, в субботу запрещена любая работа, нельзя пользоваться электричеством, водить машину, готовить, убираться и пр.

шабата, и закон требует, чтобы заново запускал его тоже еврей. Для работы с такими простыми требованиями отец вполне годится. Работники-гои уже трудятся, когда он приходит, — замешивают тесто, лепят из него буханки и булки, и, когда отец шагает по длинному складу, на ходу щелкая выключателями, вокруг нас нарастает гудение и жужжание, пока мы движемся сквозь просторные гулкие помещения. Сегодня редкий случай: он взял меня с собой, и мне ужасно нравится быть среди всей этой суеты и знать, что в центре ее — мой папа и что все эти люди обязаны дожидаться его прихода, прежде чем продолжить работу в обычном режиме. Я ощущаю себя важной, потому что знаю, что он тоже важный человек. Сотрудники приветственно кивают ему с улыбкой, несмотря на то что он опоздал, и глядят меня по голове ладонями в припыленных мукой перчатках. К тому моменту, когда отец добирается до последнего цеха, вся фабрика пульсирует от гула мешалок и конвейерных лент. Цементный пол слегка вибрирует у меня под ногами. Пока отец разговаривает с работниками, пожевывая *эйер кихелех*¹, я смотрю, как противни заезжают в печи и выкатываются с другой стороны, заполненные рядами глянцево-золотистых булочек.

Баби любит *эйер кихелех*. Мы всегда приносим его Баби после наших походов в пекарню. Полки в вестибюле склада набиты запечатанной в коробки выпечкой, которая с утра пораньше отправится в магазины, и на выходе мы прихватываем с собой столько, сколько можем унести. Здесь и знаменитые кошерные капкейки с радужной посыпкой, и увесистые бабки с корицей и шоколадом, и семислойные торты, сочащиеся маргарином, и мелкое черно-белое печенье, у которого я люблю отгрызать только шоколадную

---

¹ Яичные пирожные (*идиш*). Традиционное блюдо еврейской кухни — песочное печенье в виде ромбиков или бантиков, сверху смазанное желтком и присыпанное сахаром.

часть. Все, что отец наберет с собой на выходе, позже отправится к бабушке с дедушкой и будет вывалено на обеденный стол словно добыча, и я смогу попробовать абсолютно все.

Что может сравниться с такой роскошью, с изобилием конфет и сладостей, разбросанных по парчовой скатерти, словно товары на распродаже? Сегодня ночью я быстро провалюсь в сон, ощущая сладость глазури, забившейся между зубами, и крошек, что тают у меня за щеками.

Это один из немногих приятных моментов, которые я могу разделить с отцом. Обычно у меня нет поводов им гордиться. У него на рубашках желтые пятна под мышками, несмотря на то что Баби стирает почти всю его одежду, и улыбается он как клоун — слишком широко и глупо. Когда он заходит к Баби, чтобы повидать меня, то приносит эскимо в шоколаде Klein's и смотрит, как я его ем, ожидая от меня слов благодарности. Видимо, он думает, что, обеспечивая меня сладким, исполняет свой отцовский долг. Уходит он так же внезапно, как и приходит, — убегает по каким-то своим «делам».

Я знаю, что ему дают работу из жалости. Его нанимают водителем, доставщиком — кем угодно в узких рамках того, что он может делать, не попадая впросак. Он этого не осознает; он считает, что его работа очень важна.

У отца много разных подработок, но он берет меня с собой только в пекарню (изредка) и в аэропорт (еще реже). Поездки в аэропорт интереснее, но они случаются всего пару раз в год. Знаю, радоваться визиту в аэропорт странно, поскольку в самолет мне попасть не светит, но мне ужасно нравится стоять рядом с отцом, пока он дожидается того, кого должен встретить, и наблюдать за толпами мечущихся туда-сюда людей с чемоданами, поскрипывающими им вслед, знать, что все они куда-то и зачем-то летят. До чего же удивителен мир, думается мне, в котором самолеты ненадолго садятся здесь, прежде чем волшебным образом возникнут в аэропорту где-то на другом конце планеты. Будь у меня заветное жела-

ние, я загадала бы всю жизнь провести в путешествиях из одного аэропорта в другой. Сбросить оковы постояства.

Отец привозит меня обратно домой, и я еще долго его не увижу, возможно, несколько недель — если только не столкнусь с ним на улице. Тогда я постараюсь отвернуться и притвориться, что не заметила его, чтобы он не подозвал меня и не представил тому, с кем разговаривает. Терпеть не могу эти жалостливые и любопытные взгляды, которыми люди одаривают меня, когда узнают, что я его дочь.

— Так это твоя *мейделе*¹? — снисходительно воркуют они, щиплют меня за щеки или тянут меня за подбородок скрюченными пальцами. А потом всматриваются в мое лицо, пытаюсь увидеть в нем хоть какие-то черты, роднящие меня с ним, чтобы позже с кем-нибудь посплетничать: «*Небех*², бедная крошка, ее ли вина, что она родилась? У нее же на лице написано, что она не в себе».

Баби — единственная, кто считает, что я на сто процентов в себе. Она в этом не сомневается, это видно. Она никого не осуждает. Она так и не навесила никакого ярлыка на моего отца, хотя, может быть, она просто ушла в отрицание. Когда она рассказывает истории из его детства, то описывает его как милого шалуна. Он был совсем тощим, поэтому она испробовала все способы, чтобы хоть как-то заставить его есть. Он получал все, что хотел, но не мог выйти из-за стола, пока не опустошит тарелку. Однажды он привязал куриную ножку к леске и бросил ее в окно дворовым котам на съедение, чтобы не сидеть за обедом часами, в то время как его друзья играют на улице. Когда Баби вернулась, он показал ей пустую тарелку, и она спросила:

— А где косточки? Косточки ты съесть не мог.

Так она и догадалась.

---

¹ Девочка (*идиш*).

² Бедняга, бедолага (*идиш*).

Я была готова восхититься отцовской смекалкой, но пузырь моей гордости лопнул, когда Баби рассказала, что ему не хватило мозгов продумать все наперед — вытянуть леску обратно и вернуть уже обглоданные кости на тарелку. Одиннадцатилетней мне хотелось, чтобы этот план — довольно хитроумный — был исполнен с большей сноровкой.

В подростковом возрасте его невинные проказы уже больше не казались милыми. Он по-прежнему не мог спокойно высиживать занятия в ешиве¹, поэтому Зейде отправил его в лагерь Гершома Фельдмана на севере штата Нью-Йорк. Там была ешива для проблемных детей — обычная ешива, вот только за непослушание в ней наказывали побоями. Отца от чудачеств это так и не избавило.

Наверное, ребенка проще оправдать за причуды. Но как объяснить поведение взрослого, который месяцами хранит у себя в комнате пирог — пока запах плесени не становится невыносимым? Как объяснить, что делают в его холодильнике штабеля бутылочек с жидким розовым антибиотиком для детей, который отец считает нужным употреблять каждый день, дабы излечиться от неведомой болезни, которую не способен диагностировать ни один врач?

Баби по-прежнему старается о нем заботиться. Специально для него она готовит говядину, притом что Зейде не ест говядину уже десять лет — со времен скандала из-за куска кошерной говядины, которая оказалась совсем не кошерной. Баби до сих пор готовит для всех своих сыновей — даже для женатых. Они приходят к ней на ужин, хотя у них есть свои жены, которые должны их кормить, и Баби ведет себя, будто все так и должно быть. Каждый день в десять вечера она протирает столы на кухне и шутиливо объявляет «ресторан» закрытым.

---

¹ Ешива — еврейское религиозное учебное заведение для мужчин, где изучают священные тексты и религиозный закон.